

Б.Г. ОСТРОВСКИЙ

ТРЕТЬ ВЕК

ЛЕН. ОБЛ. ИЗД-ВО

Б. Г. ОСТРОВСКИЙ

ТРЕТЬ ВЕКА ПОДО ЛЬДОМ

АНДРЭ И ЕГО ЭКСПЕДИЦИЯ
К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1931

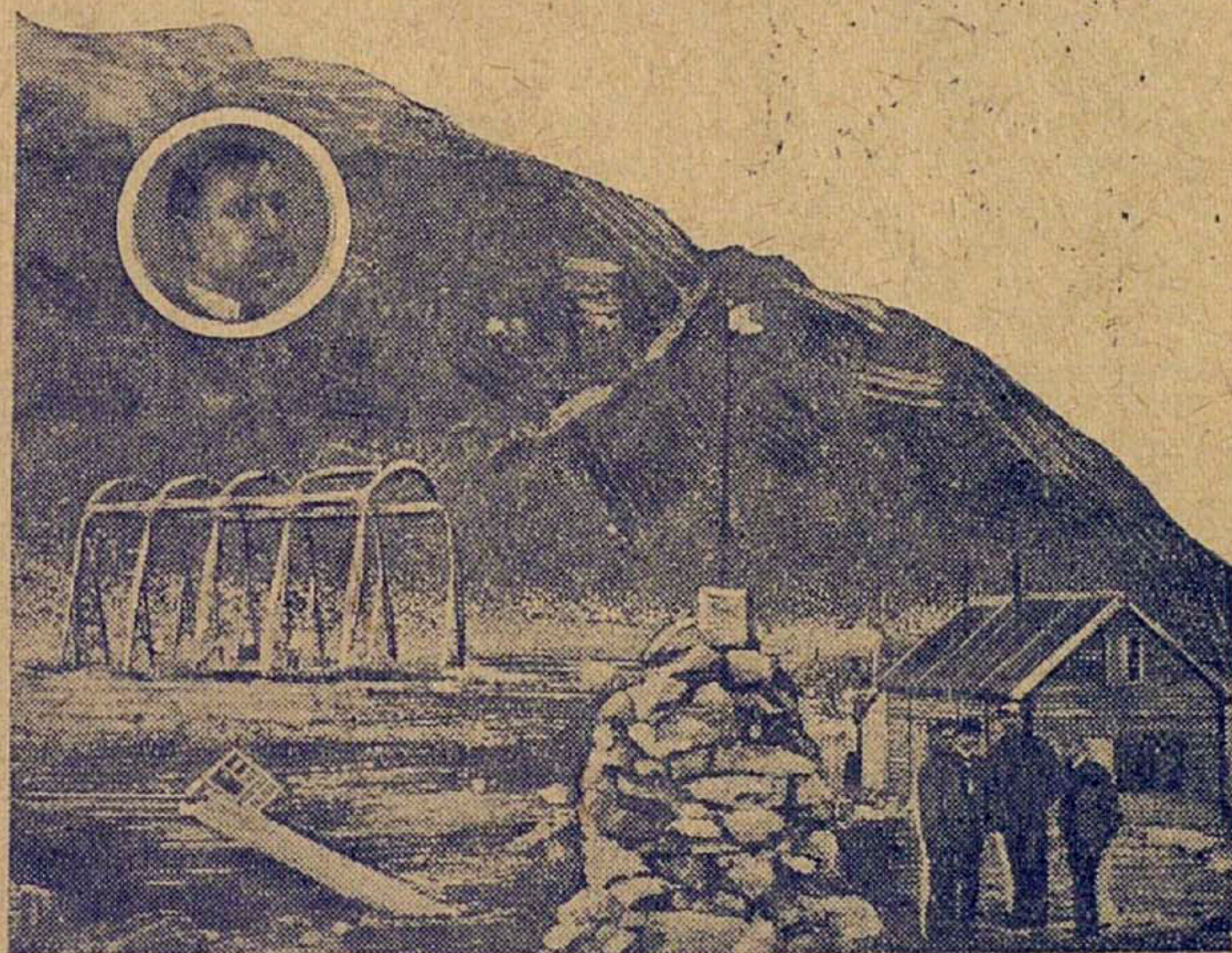
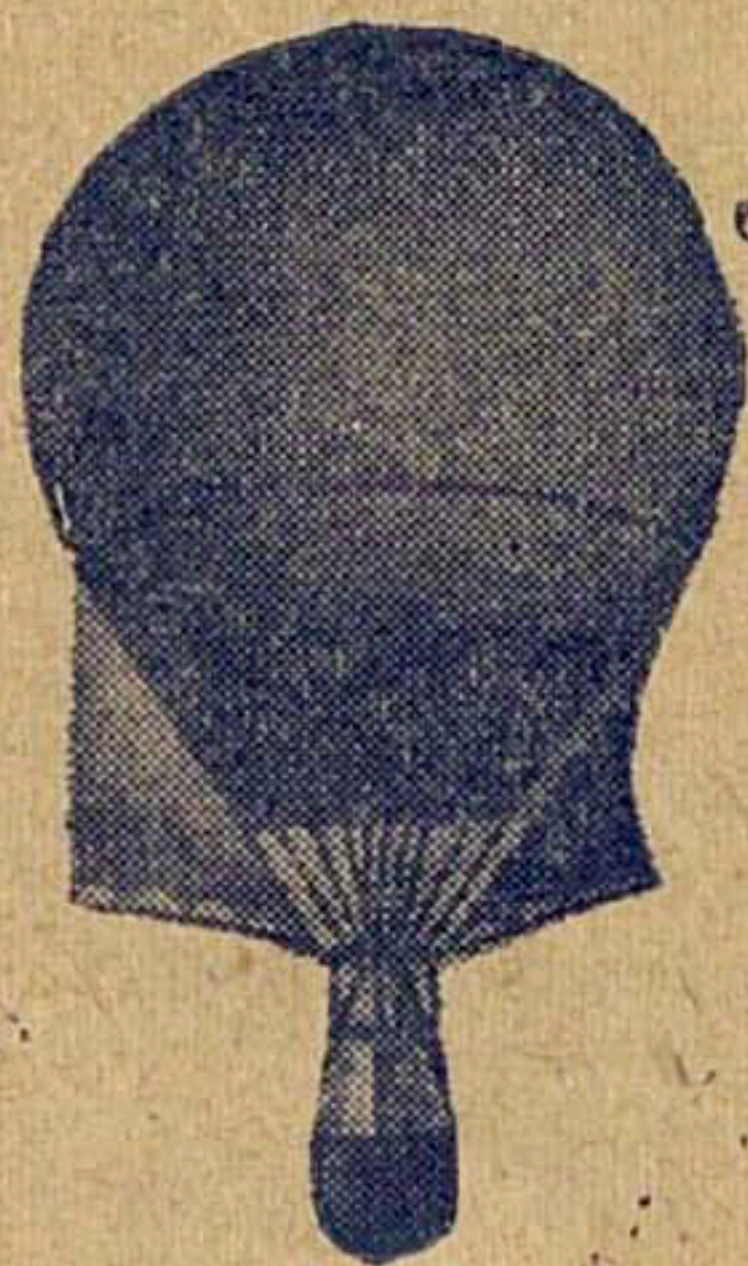
Типография им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57

Ленинградский Областлит № 7189. Заказ № 587. Тираж 50.000.

Внизу гавань Вирго на Шпицбергене,
откуда состоялся отлет Андрэ к Се-
верному полюсу

Мемориальная доска (по середине)
в честь Андрэ.

Налево эллинг эронавта Вельмана.
Над ним портрет Андрэ. Направо
вверху управляемый парусами воздуш-
ный шар Андрэ «Орел».

В последние годы исследование Арктики
в Союзе ССР достигло небывалого размаха
В. Ю. Визе.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Вступление: Необычайность и популярность экспедиции Андрэ. — Энтузиасты и скептики. — Отсутствие вестей от Андрэ. — Разные гипотезы о его судьбе. — Находка лагеря Андрэ летом 1930 г. на острове Вито. Расшифровка найденных экспедицией литературных и фотографических материалов. Книга об Андрэ. Воссоздание картины путешествия Андрэ. — Личность Андрэ. — Его попытка предвосхитить время. — Содержание настоящей книжки	5
I)	Его любовь к естествознанию с детства. — Андрэ заинтересовывается техникой и воздухоплаванием. — Андрэ — инженер. — Андрэ отправляется в Америку изучать воздухоплавание. — Возвращение Андрэ на родину. — Международный полярный год и участие в нем Андрэ. — Андрэ — заведующий аэрологической станцией на Шпицбергене. — 15.000 наблюдений — Андрэ обращает на себя внимание. — Андрэ ставший инженер Бюро патентов в Стокгольме. — Его натура практика. — Отсутствие эстетического чувства. — Андрэ — провидец грядущей эпохи. Его мысли о науке и технике. — Андрэ — поборник жёсткого равноправия. — Полет Андрэ над Балтийским морем на воздушном шаре „Свеа“. — Мировые рекорды. — Андрэ — лучший воздухоплаватель в мире. — Андрэ демонстрирует свое искусство в Париже. — Андрэ опубликовывает план достижения северного полюса на воздушном шаре. — Приток пожертвований на экспедицию	11
II)	Сходство натур Андрэ и Френкеля. — Френкель, строительный инженер, заинтересовывается воздухоплаванием. — Предложение Френкеля отправиться на полюс вместе с Андрэ. — Совместные и рискованные полеты над Балтийским морем. — Молодой ученый Нильс Стриндберг. Его агитация в пользу идеи Андрэ. — Совместные полеты в Париже.	15
III)	Гавань Вирго на Шпицбергене. — Воздушный шар Андрэ „Адлер“. Его снаряжение. — Отлет со Шпицбергена 11 июня 1897 г. — Первая неудача. — Дальше в путь под парусами. — На ледяными полями — В полосе тумана. — Начало конца воздушного путешествия Андрэ. — Снова катастрофа. — Еще сбрасывают балласт. — Остановка в пути. — Признания Андрэ. — Снова в путь. — Конец воздушного путешествия Андрэ	16
IV)	Нобиле и Андрэ. — Сооружение лагеря на льду. — Высокий моральный авторитет Андрэ. — Характер льдов. — На пути к Земле Франца-Иосифа. — Трудности путешествия по льду. —	

	Медленность продвижения путников. — Путники становятся игрушкой ледяной стихии. — Андрэ меняет маршрут. — К Семи островам.	22
V)	Основная ошибка Андрэ. — На пути к Семи островам. Невеселые перспективы. — Болезнь ноги у Френкеля. — Вторично в ловушке пловучих льдов. — Стойкость Андрэ. — Крах попытки пробраться к Семи островам. — В снежную бурю. — На произвол ледяной стихии. — Конец третьего акта путешествия Андрэ.	26
VI)	Путники перебираются на другую льдину. — Начинают сооружать ледяной дом. — Охота. — Положение улучшается. — У острова Вито. — Шведская экспедиция Надгорста. — Быстрота движения льдины. — Обильная охота. — Стриндберг — искусный строитель ледяного дома. — Неудача с примусом. — Белый медведь. — Льдина в мертвой зоне. — Рабочий день путешественников. — Льдина уменьшается в объеме. — Крушение льдины. — Нечеловеческие усилия путников выйти из тяжелого положения. — Препятствия, которые не ожидал встретить Андрэ. — Конец достоверной и связной истории путешествия Андрэ на льдине. — Испорченные страницы дневника Андрэ — Отрывочные замечания дневников. — Научно-исследовательская работа Андрэ на острове. — Отзыв Андрэ о своих товарищах. — Что произошло между последней записью Андрэ и 17 октября? — Вероятные предположения о причине гибели экспедиции . .	30
VII)	Поиски пропавшей экспедиции Андрэ. — Экспедиция Вельмана на Землю Франца-Иосифа на „Фритьофе“. — Намерение Вельмана повторить полет Андрэ со Шпицбергена в 1907 г. — Пароход „Ханзет“ на острове Вито в июле 1930 г. — „Братвааг“, на острове Вито обнаруживает лагерь Андрэ. — Ученая комиссия на острове Вито. — Что было найдено в лагере. — Трупы Андрэ и его спутников. — Недостаток одежды в лагере Андрэ. — Найденные дневники и записи. — Дом — убежище в честь Андрэ в Стокгольме.	40
VIII)	Жизнь и быт экспедиции Андрэ, увековеченные фотографической пластинкой. — Фотографический материал экспедиции. — Как сохранялся фотоматериал. — Обработка снимков проф. Герцбергом. — Предварительные процедуры. — Остроумный способ усиления негативов. — Появление репродукций со снимков в печати.	47

ВСТУПЛЕНИЕ

Все необычайно в экспедиции Андрэ. Необычаен прежде всего способ достижения поставленной им себе цели. По воздуху на северный полюс 34 года назад! Необычайно и то исключительное внимание, с которым весь мир следил за приготовлениями Андрэ к полету. Об Андрэ заполнялись не только целые столбцы газет и журналов, но в Петербурге напр., по тогдашнему обычаю, практиковавшемуся в случаях особой сенсации, были выпущены папиросы с портретом Андрэ, шоколад, конфеты, на улицах продавались даже какие-то особенные воздушные шары, представлявшие, по уверению торговцев, точную модель того самого шара, на котором Андрэ отправлялся на полюс. Безумно смелой попытке шведского инженера и воздухоплателя большинство предрекало неудачу. Энтузиасты верили в счастливый исход дела. Его блестящие полеты через Балтийское море на остров Готланд и в Финляндию говорили о большой опытности Андрэ как аэронавта. И в самом деле, неужели только жажда славы и сенсация заставляла этого достойного потомка древних „северных викингов“ пускаться в столь рискованное путешествие вместе со своими спутниками на беспомощной игрушке волн воздушного полярного океана, предварительно не взвесив всех возможностей за и против?

11 июля 1897 г. Андрэ, совместно с Френкелем и Стриндбергом, дождавшись благоприятного ветра, вылетел с острова Шпицбергена, как казалось ему,—на северный полюс.

Весь образованный мир с напряженным вниманием ожидал первых известий от Андрэ о его успешном достижении намеченной цели.

Но, увы, напрасно. Уже ближайшие дни по отлете Андрэ показали, что энтузиасты не были правы. В то спокойное время случай Андрэ еще долго не переставал волновать общество. Высказывались тысячи предположений, разгора-

лись горячие дебаты, всем экспедициям и пароходам, отправляющимся на дальний север, вменялось в неперемнную обязанность зорко следить за малейшими признаками местонахождения Андрэ. Все напрасно,—никаких достоверных известий о смелых аэронавтах. Впрочем, за последние годы сложилось убеждение, что попытка Андрэ увенчалась успехом, что Андрэ был на полюсе, перелетел его и опустился на американском берегу, где и закончил трагически свои дни: был убит эскимосами, равно и его спутники. Поводом к этому убеждению послужило опубликованное в зарубежной печати сообщение одного американца-путешественника. Во время его путешествия по Гренландии ему якобы поведал эту грустную повесть подвыпивший эскимос.

Если американец действительно слышал этот жуткий рассказ, то вывод, сделанный экспансивным янки, как теперь выяснилось, неправилен и неведомые убитые эскимосами люди—одни из тех, что навсегда останутся непогребенными в необозримых ледяных просторах Арктики.

Небывало теплая погода, царившая за последние годы в Арктике,—чему несомненно обязаны успехом наши ежегодно отправляемые сюда с весьма ответственными заданиями экспедиции,—позволила несколько приподнять завесу времен и выяснить наконец, при каких обстоятельствах, и как погиб давно разыскиваемый Андрэ со всеми его спутниками¹.

В августе прошлого года на отдаленнейшем острове Ледовитого океана, недалеко от шпицбергенского архипелага, на мрачном и пустынном, вечно покрытом шапкою льда островке Вито (остр. Белый), норвежским судном „Братвааг“ обнаружены останки всех членов экспедиции Андрэ со всем их снаряжением и дневниками, пролежавшими подо льдом треть века.

Необычайная находка столь долго разыскиваемой экспедиции Андрэ мгновенно облетела весь мир и снова привлекла внимание к судьбе злополучного аэронавта. Но мало кто верил, что удастся что-либо извлечь из смерзшихся, поврежденных сыростью, пролежавших треть столетия подо льдом страниц литературного наследия экспедиции Андрэ. Еще меньше надежд возлагалось на найденный при экспедиции фотографический материал.

Тотчас по обнаружении лагеря Андрэ писали: „Если суждено будет что-либо извлечь из смерзшихся, поврежден-

¹ Минувшей осенью канадский летчик Бervуш, возвращаясь на самолете с северного магнитного полюса, обнаружил на Земле короля Вильгельма остатки экспедиции знаменитого Джона Франклина, тщетно разыскиваемой с 1847 г.

ных сыростью страниц дневников Андрэ,—как история завоевания полярных стран, так равно и наука будут несомненно обогащены не малым количеством новых данных. Ведь не надо забывать, что Андрэ предпринял свое исключительно смелое не только по тому времени путешествие отнюдь не в погоне за рекордом, как и до сих пор полагают многие. Андрэ был серьезный научный работник, а не спортсмен. Вся его предшествующая работа на аэростате имела в виду четко поставленное себе научное задание: „изучение воздушной стихии в целях овладения ею“.

Действительность превзошла все ожидания. В результате довольно длительной и упорной работы, применяя всевозможные способы расшифровки часто еле видимых и даже вовсе невидимых изображений слов (для чего приходилось пользоваться фотографическими и химическими методами), удалось восстановить и прочесть дневники и записи, ведшиеся во все время путешествия Андрэ и его спутниками. Мало этого, с помощью также особых методов, о которых мы расскажем ниже, удалось удачно проявить изображения, запечатленные на экспонированных Андрэ пластинках и пленках,

Все данные расшифрованных дневников и записей как самого Андрэ, так равно и его спутников, с приложением лучших заснятых экспедицией фотографий, маршруты экспедиции, план лагеря и пр. вместе с подробным описанием всей предшествующей деятельности отважного аэронавта, а также и его спутников—ныне сделались достоянием широких слоев общества. В самом конце истекшего года известной немецкой фирмой Брокгауз в Лейпциге издан объемистый, богато иллюстрированный, посвященный памяти Андрэ сборник, содержащий весь только-что перечисленный материал. Этот сборник, носящий заглавие „На пути к полюсу“ („An dem Pol entgegen), ныне переведен и переводится на ряд европейских языков. Вряд ли стоит говорить, насколько велик интерес среди читающей публики к сборнику Андрэ. Как мы слышали, в Германии книга, несмотря на ее сравнительно высокую цену, уже полностью разошлась.

Как живые встают теперь перед нами из своих ледяных могил, в которых они пролежали 33 года, герои. Сисчерпывающей почти полнотой, день за днем, рисуются перед нами полные трагизма картины их жизни и путешествия, представляющего в целом с самого момента отлета шара со Шпицбергена сплошную цепь неудач и несчастий.

Это роковое путешествие, предпринятое отнюдь не на „ура“ и „авось“, как утверждали в свое время, а подгото-

вленное со всей возможной тщательностью, преследовало две задачи: Андрэ хотел доказать возможность длительных путешествий по воздуху; одновременно удачный полет, предпринятый им над неведомой территорией, явился бы доказательством правильности его убеждения, что воздухоплавание может служить мощным орудием научного исследования неведомых стран и в частности Арктики.

Облик героев и роль каждого из них в экспедиции теперь ясна и понятна нам. И мы должны отдать должное железной твердости характера Андрэ и выдержке его товарищей. Конечно надежда на спасение их не оставляла, но несомненно также, что с каждым днем ее становилось все меньше и меньше. И тем не менее, даже перед лицом неминуемой и мучительной смерти на острове Вито, путешественники не оставляют своих научных занятий. Андрэ собирает образцы геологических пород острова, аккуратно увязывает их в пакетики и снабжает пояснительными надписями, заносит свои научные наблюдения в книгу и проч., то же делают его товарищи.

Личность Андрэ несомненно имеет воспитательное значение. Но есть еще одно обстоятельство, которое именно в данное время делает личность Андрэ, как никогда, актуальной и интересной. О том, что Андрэ оказался провидцем многого, осуществляемого ныне, будет сказано в следующей главе, а сейчас напомним, что Андрэ, отправляясь в рискованный полет на воздушном шаре к северному полюсу, сделал героическую попытку предвосхитить время, он хотел перенестись на несколько десятков лет вперед и сделать то, что стало возможным лишь теперь, спустя более 30 лет. И время не простило ему. Андрэ подлинно пионер воздушного завоевания Арктики, духовный родоначальник сложившегося лишь в наши дни международного общества изучения полярных стран с помощью воздушных кораблей.

Настоящая книжка написана главным образом на основании материала, помещенного в упомянутом сборнике, изданном Брокгаузом. Нам пришлось, ознакомившись со всем сборником, выделить из приведенных дневников, отчетов и биографических данных об Андрэ и его спутниках, минуя частности, все самое существенное и характерное, что придало бы цельную картину всей повести об Андрэ, а затем весь этот материал переработать и снабдить своими замечаниями и выводами. Воскрешая „повесть минувших лет“, пришлось прибегнуть и к некоторым архивным изысканиям.

Саломон-Август Андрэ

Саломон-Август Андрэ, швед по происхождению, родился 18 октября 1854 г. Его отец был аптекарем. Чрезвычайно своенравный мальчик, не поддававшийся шаблонной системе воспитания, с детства обнаружил большую склонность к естествознанию. В юношеском возрасте, не оставляя занятий естествознанием, он заинтересовывается техникой и в частности воздухоплаванием, бывшим тогда в самом зачаточном периоде развития. Его пылкому воображению греются самые заманчивые перспективы развития воздушных сообщений в будущем. У него рождаются смелые планы, осуществить которые надлежит ему самому. Но нужно прежде всего образование, нужно стать хозяином в своей области, нужно ознакомиться с основами техники во всем ее объеме. И он поступает в высшее техническое училище в Стокгольме, которое и оканчивает успешно со званием инженера.

Воздухоплавание всецело теперь приковывает Андрэ. В Филадельфии, в Америке гремит имя известного воздухоплавателя Визе. Это крупнейший мировой авторитет в то время в этой области. Андрэ тянет к Визе, — ведь воздухоплавателей так мало в Европе. Он должен получить от Визе толчок для продуктивной работы в излюбленной области, Визе несомненно посвятит его в свое искусство, — так думает Андрэ. И вот с большими трудностями, испытывая на каждом шагу тягостную нужду, Андрэ отправляется в Америку, к Визе. Необеспеченность и полуголодное существование в Америке тяжело отзываяются на здоровье Андрэ. Через полгода он оставляет Америку и отправляется домой. Сведения об американском периоде жизни Андрэ крайне смутны и не дают нам положительного основания судить о том, вынес ли он что-нибудь непосредственно от воздухоплавателя Визе или нет. Совершенно достоверно лишь, что по возвращении из Америки Андрэ весь во власти идеи управляемого аэростата. Но каким образом посвятить себя

всецело любимой идее необеспеченному Андре в век величайшего невнимания к завоеванию воздушной стихии, — Андре не знает, и никто ему не ответит на это.

Известно, какое громадное влияние на погоду всего северного полушария земли оказывают метеорологические явления, происходящие в северной полярной области, и как важно научно овладеть всеми подробностями этих явлений. В виду большой заинтересованности в этих работах целого ряда приполярных стран, известный полярный путешественник Карл Вайпрехт (Вайпрехт открыл в 1873 г. Землю Франца-Иосифа) на международном конгрессе натуралистов, собравшемся в Вене в 1875 г., подал проект организации так наз. международного полярного года, в продолжение которого работа различных национальных учреждений была бы объединена общей программой исследований и велась в течение этого времени по согласованному плану. Проект этот был блестяще осуществлен уже после смерти Вайпрехта в 1882 г. Научные результаты проведения первого международного полярного года имели огромное значение на все последующее развитие наших знаний об Арктике и Антарктике ¹.

Андре принимает самое горячее участие в проведении полярного года. Ему предоставляется возможность отправиться на Шпицберген в качестве начальника тамошней полярной метеорологической станции, и в частности производить аэрологические работы по изучению атмосферного электричества. В итоге работ Андре на Шпицбергене его станция оказалась наилучшей как по количеству, так и по качеству выполненных работ из всех 13 мировых станций. За время пребывания Андре на Шпицбергене в работах станции не было ни одного перерыва. Регулярные наблюдения выполнялись даже при самых неблагоприятных условиях погоды. Сам Андре, пытаясь установить закономерную связь между колебаниями напряжения земного магнетизма и содержанием электричества в атмосфере, произвел за год 15.000 наблюдений.

Совершенно безвестный до сей поры, Андре обращает теперь на себя внимание. Королевское общество воздухоплавания в Стокгольме отмечает его работу на Шпицбергене похвальным отзывом.

В 1885 г. Андре приглашается на работу в Стокгольмское бюро по выдаче технических патентов изобретателям старшим инженером.

¹ В 1932/33 г. в ознаменование 50-летия со дня кончины Вайпрехта, при активном участии СССР, будет проведен второй международный полярный год.

Громадная трудоспособность, хорошее знание технических средств и возможностей, умелое применение своих знаний к практике и жизни, живой интерес к естествознанию, безграничная вера в будущий прогресс техники, которой предстоит, по его мнению, завоевать весь мир, — привлекали и покоряли ему людей предприимчивого склада, практических и, наоборот, отталкивали натуры созерцательные, с уклоном к эстетизму. Когда он появлялся в обществе последних, он расстраивал всю компанию, от него бежали. Настойчивость Андрэ среди знавших его вошла в поговорку. Если он ставил себе вопрос, он не оставлял его, пока не разрешал. Всякий свой план он серьезно обдумывал и впустую ничего не делал. На него можно было положиться, как на каменную стену. Его девизом было любимое его правило: „лучше один раз сказать и сто раз действовать, чем сто раз сказать и ничего не сделать“. Для Андрэ вообще не существовало ни музыки, ни живописи, ни изящной литературы. Когда его однажды спросили, читал ли он, и назвали одно из мировых произведений литературы, он ответил, что читал в детстве приключения барона Мюнхгаузена, „но ведь это одно и то же“, — серьезно добавил он.

Полная атрофия эстетического чувства не помешала Андрэ быть провидцем многого того, что осуществляется в наши дни. Андрэ был фанатиком самого широкого использования достижений техники во всех областях жизни. Он непоколебимо верил, что техника и только техника преобразит в самом недалеком будущем весь мир и общество. „Наука не в силах будет догнать технику через несколько лет“, — утверждал он. „Техника через несколько десятков лет будет решать такие проблемы, о которых только сможет мечтать наука. Подумайте только об электричестве“, — добавлял Андрэ.

Андрэ был самым горячим поборником равноправия женщин. Он нередко высказывал оригинальную мысль, что в будущем огромный прогресс индустрии потребует самого активного участия женщин в строительстве жизни и на производстве, что так или иначе освободит ее от дома и даст ей равноправие. Домашняя же жизнь, ее грязная скучная сторона, будет механизирована с прогрессом той же техники. Свои мысли, чрезвычайно интересные и важные для настоящего времени, о внедрении женского труда в производство, по вопросу о разделении труда и проч. он изложил в своей книге „Индустрия и женский вопрос“.

Более обеспеченное положение, с приглашением Андрэ на службу в Бюро патентов, а главное — поддержка, которую ему начали оказывать заинтересованные учреждения,

позволили Андре́ отда́ться своему́ любимому́ делу — воздухопла́ванию. Уже и раньше, еще в 1876 г., Андре́ подымался на воздушном шаре и совершил несколько удачных полетов. Тепе́рь же он совершает полеты более регулярно, а в 1893 г. ему предоставляются средства для сооружения баллона. Его „Свеа“ совершает девять замечательных полетов над Балтийским морем. К каждому полету он тща́тельно подготавливается. Забирает с собой научные приборы, с помощью которых изучает течение воздушных слоев, влажность воздуха и пр. В один из своих полетов, когда он в бурную погоду носился над Балтийским морем в продолжение 10 часов Андре́ достиг мирового рекорда высоты подъема на воздушном шаре, а именно 4387 метров над уровнем моря. Из всех воздухоплавателей Андре́ первый попытался придать воздушному шару управляемость с помощью парусов, натянутых на укрепленные в нижней части баллона две рейки.

Позже Андре́ установил другой рекорд: он покрыл 400 км в $4\frac{3}{4}$ часа. С удивительным искусством в этот полет, благодаря умелому лавированию парусами, Андре́ удалось опуститься в заранее определенном месте. Замечателен также его научный полет, продолжавшийся 40 часов, в течение которых было покрыто 1500 км и произведено свыше 400 наблюдений.

Можно смело сказать, что в конце прошлого века Андре́ был самым выдающимся воздухоплавателем в мире, не знавшим конкурентов как по достигнутым рекордам, так и по смелости своих воздушных путешествий, которые он осуществлял почти всегда один. По приглашению французского воздухоплавательного общества Андре́ совершает в присутствии многочисленной публики ряд замечательных полетов в Париже.

В 1895 г. Андре́ опубликовал подробно им разработанный чрезвычайно смелый план достижения северного полюса на воздушном шаре. Хотя авторитет Андре́ в ту пору в области воздухоплавания, его смелость и энергия и были достаточно хорошо известны широким слоям общества, его план был встречен с недоумением. Никому не верилось, что Андре́ рискнет на этот полет, а тем более, что найдутся люди, которые согласятся сопровождать Андре́, ибо он признал, что осуществить свой полет один он не в состоянии. Но когда двое его соотечественников — Френкель и Стриндберг — изъявили согласие разделить его участь, начался большой приток пожертвований, и вскоре нужные средства на полет к северному полюсу были собраны.

II

Спутники Андрэ.

Атлетического сложения инженер Кнуд Френкель — натура во многом родственная Андрэ. Та же с детства любовь к естественной истории, то же стремление на широкий простор природы, на луг, в поле, в море, и то же отношение к книжной мудрости. Специальность Френкеля — инженерные работы по прокладке улиц и водопроводов.

Смелость Андрэ импонирует Френкелю, и этот инженер, всегда имеющий дело с мостовыми и водопроводными трубами, заинтересовывается проблемой воздушных сообщений и делается ярым пропагандистом плана Андрэ достичь северного полюса на воздушном шаре. Он отправляется в Париж, где Андрэ публично демонстрирует свое искусство пробных подъемов на аэростате, и с восхищением наблюдает его полеты. Вскоре они знакомятся и Френкель изъявляет свое желание принять участие в полете Андрэ на северный полюс. Андрэ понравился сильный и ловкий спортсмен-инженер, и после небольшого размышления он принимает предложение Френкеля, но предварительно предлагает ему испытать свои силы при полете на воздушном шаре. Они совершают семь полетов над Балтийским морем, один из которых едва не заканчивается для обоих катастрофой. Но рискованность и опасность воздушных путешествий не устроили Френкеля, и он попрежнему согласен лететь с Андрэ к северному полюсу.

Совсем иного характера — другой спутник Андрэ, молодой ученый, метеоролог и астроном, „мечтательный жених“, Нильс Стриндберг. Его с детства интересуют физика, химия и метеорология, но он не чужд и всего изящного, ценит искусство, очень любит музыку и страстно увлекается фотографией. Он также усиленно агитирует за сбор пожертвований на экспедицию Андрэ к северному полюсу и подымается с ним несколько раз на баллоне над Парижем.

III

Полет на воздушном шаре

Гавань Вирго, откуда Андре предпринял свой полет к полюсу и где также Вельман в 1907 г. делал свои приготовления, чтобы повторить смелое предприятие своего предшественника, расположена в северо-западном углу Датского острова шпицбергенского архипелага. Здесь нет характерных для Шпицбергена острых пиков и скалистых гребней; здешние горы низки и обтесаны настолько, что образуют сравнительно ровное место. Повсюду явственные следы деятельности льда. В то время как прочие шпицбергенские фиорды имеют сравнительно приветливый для крайних северных широт пейзаж, ландшафт гавани Вирго своими неуклюжими, мрачными формами, а также крайне скудной растительностью, по словам известного полярного путешественника Отто Норденшельда, производит впечатление незабываемое.

Воздушный шар Андре „Адлер“, сооруженный по его плану в Париже, имел 20 метров в диаметре и вмещал до пяти тысячи куб. метров водорода при грузоподъемности около 1.500 кг. К баллону была подвешена двухэтажная, высотой свыше двух метров, хорошо утепленная корзинка, служившая для путешественников местом ночлега и отдыха.

С особенной тщательностью Андре запасся всем необходимым на случай вынужденного снижения на лед; здесь были: американская складная лодка, трое саней, канадские лыжи, ружья, большой запас патронов, несколько ящиков продовольствия, консервы. Много заботливости приложил Андре и к тому, чтобы с достаточной полнотой обеспечить себя всем необходимым для производства научных наблюдений. Хорошо была организована и фотографическая часть. Опытный фотограф, Стриндберг озаботился как о достаточном количестве фотоматериалов, так и о качестве аппарата. Последний был снабжен затвором, могущим

вполне автоматически в определенный момент производить экспозицию. Это давало возможность путешественникам сниматься всем троим одновременно.

Андрэ рассчитывал, что его баллон сможет продержаться в воздухе до пяти суток. Достигнув полюса, Андрэ полагал, в зависимости от направления ветра, продолжать путь в направлении или к американскому берегу или держать путь на Гренландию, или к берегам Сибири, где и должно было произойти снижение.

Долго и тщательно готовился Андрэ к полету. Ничто, казалось, не было забыто. В памятный день 11 июля 1897 года, светлый и ясный, состоялся наконец отлет. Благоприятный, свежий юго-западный ветер сулил всем участникам полета надежду благополучно достигнуть заманчивой цели. Но полет был неудачен с самого начала.

Ровно в 1 ч. 46 м. три каната удерживавшие шар у элинга, были обрублены. „Орел“ плавно взлетает на высоту ста метров и движется в северо-восточном направлении вдоль гавани Вирго. По воде тянутся свисающие с гондолы канаты-гайдропы, с помощью которых Андрэ думал управлять шаром, не давая ему подыматься выше поверхности земли и воды на 150—200 метров.

Но плавный полет шара продолжался недолго. Уже на середине гавани „Орел“ стал стремительно снижаться. Еще мгновение — и гондола наполовину в воде. Девять мешков баласта, выброшенных за борт, дают возможность шару вновь подняться на высоту 100 метров. Но вот аэронавты с ужасом замечают, что $\frac{2}{3}$ канатов, на которые было возложено столько надежд, оторваны. Это несчастье произошло при стремительном падении шара в воду, при толчке корзины о воду. С канатами было потеряно еще 530 кг. баласта.

План Андрэ был таким образом испорчен с самого начала полета. Из привязанных с помощью канатов к земле и воде пассажиров „Орла“ Андрэ с спутниками становятся теперь игрушкой воздушной стихии. Стриндберг замечает по этому случаю в своем дневнике: „Управление с помощью концов стало невозможным“. Далее отмечается, что эта первая неудача произвела на Андрэ очень тяжелое впечатление.

Но делать нечего. Надо испробовать остающиеся средства управления. На всякий случай изобретательный Андрэ ввел еще одно совершенно оригинальное нововведение на своем аэростате, о котором мы сообщали выше: боковые паруса, прикрепленные с одного конца к нижней части баллона, а с другого — к рейкам поверх корзины. Регулируя

парусами, уменьшая и увеличивая их площадь, Андрэ думал достичь и в крайних северных широтах тех же результатов, какие удавались ему во время его блестящих полетов над Балтийским морем.

И Андрэ тотчас же после катастрофы с канатами пустил в ход свои паруса. Андрэ дает распоряжение наиболее сильному и ловкому Френкелю взлезть на баллон и привести паруса в полный порядок. Как-будто достигнуто управление парусами. С новым свежим порывом ветра, ударившего в растянутые полотнища, путники забирают высоту и благополучно перелетают гору высотой в 600 метров.

Снова над водой. Стриндберг сбрасывает бутылку с письмом к своей невесте. Температура $+1^{\circ}$.

С суши все еще внимательно наблюдают за шаром. Но вот шар делает резкий поворот к востоку и исчезает в облаках. Повесть об Андрэ умолкает на целых 33 года.

А там, где наши путники, как мы теперь узнали из найденных принадлежащих аэронавтам дневников и записок, происходит вот что. Попад в полосу тумана, шар стал снижаться. На высоте 500 метров обнаруживается довольно значительная утечка газа. Вскоре исчез из вида и Шпицберген. Вдали на северо-востоке все яснее обозначается кромка пловучего льда. Шар все время сопровождает птичка.

Море сплошь покрыто движущимся льдом. Шар на высоте 240 метров. Андрэ отправляет с первым донесением на родину голубей. А льды под шаром все теснее и плотнее сгужаются в отдельные торосы, которые Стриндберг называет „вновь рожденными“. Свежий ветер быстро гонит шар в восточном направлении. Все реже встречаются теперь птицы. По временам ветер доносит скрип льда. Шар взлетает на высоту до 700 метров. Снова надвигается полоса тумана и такого густого, что лед вовсе скрывается из вида.

23 часа летят путники надо льдом, то выходя из полосы тумана, то снова попадая в него. В дневниках, которые они вели в это время, представлены с большой полнотой все подробности их путешествия и жизни, включительно до отметок о времени отправления естественных потребностей. Отметим лишь, что за это время, им пришлось еще освободиться от части груза, — они сбросили также буй, который был найден в 1900 г. и ныне хранится в Стокгольмском полярном музее.

Утром следующего дня (12 июля) Стриндберг не без тревоги смотрел на свинцовое облако, в которое несло их шар. По мере приближения к облаку, температура быстро

падала, а с нею начал падать и шар. Пришлось выбросить еще 12 кг баласта. Туман все гуще и гуще. Дальше 2-3 километров нельзя различить ни льда, ни трещин в нем.

Удивительная и неизученная еще область воздухоплавания — это туман и его действие на летательный аппарат легче воздуха. Андрэ вовсе не учел, да и никто вероятно не мог предвидеть тогда, что условия плавания здесь совсем иные, чем в свободной, лишенной тумана атмосфере. Тем ценнее все записи и наблюдения над влиянием тумана и сопровождающими его атмосферными условиями на полет в нем аэростата. И подробное изучение этих записей несомненно еще впереди. Туман настолько затруднял полет аэростата, что заставлял его по временам совершенно останавливаться в воздухе.

Но вот стало проясняться. То там, то сям стали проглядывать сквозь клочки расползающегося тумана скрипевшие внизу ледяные поля и отдельные прогалины чернильно-темной воды. Неожиданно налетел ветер и начал крутить вокруг баллона, а затем быстро понес его в западном направлении по диагонали вниз. Этот момент можно обозначить как начало конца их воздушного путешествия, по всем пунктам оказавшегося неудачным. Снизившись с 500-метровой высоты настолько, что оборванные канаты „Орла“ стали задевать за лед, аэростат уже больше не подымался выше 20 метров. Здесь повторилась та же история, что и при отлете в гавани Вирго. Сверху путникам казалось, что внизу вода, но теперь они разглядели, что это лед, только прикрытый водой.

Томительно и скучно тянется время. Холодная пища начинает уже надоедать, а разжигать в гондоле примус — нельзя. Баллон то несет в западном направлении, то вдруг закрутит и остановит вовсе. В одном месте они продержались неподвижно в воздухе около 40 минут. В 11 ч. 13 м. выпускают голубя. Медленно, но все же движутся. Настроение у всех тем не менее бодрое.

Но вот опять катастрофа. Баллон стремительно падает вниз. Положение критическое. Мешки с песком, некоторые аппараты и вещи, даже якорь — все летит вниз. Ничего не действует. С затаенным дыханием ожидают путники рокового удара корзины о лед. Еще сбрасывают что могут, между прочим большой, не содержащий никакого извещения буй. Найденный в 1899 г. у берегов земли короля Карла, буй в свое время вызвал много толков. Никак нельзя было понять, почему понадобилось Андрэ отправлять в столь дальнее путешествие пустой буй.

Тяжелой, мрачной пеленой давит сверху туман. Все попытки облегчить баллон уже не приводят ни к чему. Гондола шакается несколько раз о лед. Шар несет со скоростью 2,6 метра на юго-запад. Наступает тяжелое опасное время. Корзина все чаще и сильнее ударяется о лед. Ничего нельзя делать, даже заносить в книгу заметки. Толчки все чаще и чаще, почти каждую 1-2 минуты. Наконец баллон начинает попросту волочить корзину по льду, оставляя на нем след. В 2 часа дня „Орел“ останавливается на месте.

Остановка в пути дает возможность путникам прийти в себя, собраться с мыслями, обдумать свое невеселое положение и отдохнуть. Непрерывные удары о лед порядком всех истомили, — ведь нельзя было ни сидеть, ни лежать, ни есть. Стриндберга тошнит. Андрэ записывает: „Хотя мы смогли бы выкинуть и весь балласт, после чего ветер нас вероятно понес бы в Гренландию, мы все же решаемся спокойно оставаться здесь. Все трое мы нуждаемся в отдыхе“. Из этих слов очевидно, как далек был еще Андрэ, несмотря на ряд крупных неудач, от понимания истинного своего положения. Гордое сознание пионера воздушного завоевания Арктики, предпринявшего безумно смелый полет в неизученные даже в атмосферном отношении области, всецело наполняет Андрэ. Он пишет: „Ведь мы первые, которые летим здесь на баллоне. Кто после нас повторит этот полет? Будут ли нас в будущем считать сумасшедшими или же последуют нашему примеру? Я не могу отказать себе в сознании, что мы гордимся. Мы находим, что можем здесь умереть после того, что мы уже совершили. Может быть нас побудило лететь сюда честолюбие. Но разве можно назвать это только честолюбием?“

Эти многозначительные слова, вырвавшиеся у Андрэ в исключительной обстановке, приотворяют несколько завесу в его душу и дают искреннюю, его собственную оценку предпринятого им путешествия. Кроме этой записи, нет ничего, столь же отчетливо указывающего, что думал о своем путешествии сам Андрэ. В то время когда Андрэ заносил в свою книжку приведенные слова, весь мир с нетерпением ожидал от него известий. Теперь, 33 года спустя, мы получили эти известия, которые так долго скрывал лед.

13 июля путники на том же месте. Легкий ветерок слегка колышет баллон. Подмораживает. Вокруг ни земли, ни птиц, ни морских животных — ничего. Оделись теплее. Начинает прояснять, показывается солнце, а с ним рождается и надежда на благополучное продолжение полета. Точно определились: оказалось 82° с. ш. и 16° в. д. по Гринвичу.

Концы оторванных канатов крепко вмерзли в лед; если бы не они, задувший ночью ветер отнес бы их обратно к Шпицбергену. Надежды на скорый полет оказались тщетными. Снова солнце за облаком, снова туман.

Но вот освобожденный от канатов баллон снова движется со скоростью 3 м. в 1 сек. на ОНО Выпускают еще одного голубя, который опускается на другой же день на норвежское судно „Альк“. В стеклянной трубочке, привязанной к шее голубя, письмо на пергаменте с кратким донесением: от Андре на баллоне — в Стокгольм.

Но забрать ходу „Орел“ уже не может. Тяжелый густой туман не пускает баллон вверх и упорно гнет его к земле. Опять шаркается о лед корзина. В гондоле происходит маленький пожар, но все обходится благополучно. У Стриндберга от непрерывных ударов снова морская болезнь.

Андрэ делает последнюю героическую попытку подняться. От всего, от чего можно освободиться, освобождаются. Выбрасывают 75 кило песка, затем различные запасы, в совокупности около 200 кило, пускают в ход даже аптеку. Теперь наконец „Орел“ поднимается настолько, что можно парусить. Двигутся исключительно с помощью парусов. Выбрасывают еще 50 кг баласта. Один из выпущенных голубей возвращается обратно.

У нас заняло бы не мало места, если бы мы приводили все отметки дневников с их однообразными описаниями, как баллон бесконечное число раз слегка подымался, затем опускался, как корзина стучалась о льдину и т. д. Диаграмма полета дает весьма наглядное представление о высоте подъема и характере пути „Орла“ с момента его отлета из гавани Вирго. Скажем лишь, что 14 июля Андрэ окончательно удостоверился, что из их воздушного путешествия ничего не выйдет. Он проявляет теперь величайшее внимание к направлению движения льдов и зорко всматривается в даль: не покажется ли где земля. Однако попытки дать ход аэростату с помощью парусов продолжают, но все так же безрезультатно.

В 7 ч. 30 м. утра 14 июля воздушная часть путешествия заканчивается. Обмерзший, покрытый ледяной коркой баллон решительно и тяжело опускается на лед. Люди выскакивают на лед и определяют свое местоположение. Оказывается 82°56' с. ш. и 29°52' в. д. Лед движется. Расстояние до ближайшей земли 300 километров. Все приборы и инструменты в полной исправности. Выпускают остальных птиц.

Весь воздушный полет Андрэ продолжался 65 часов.

IV

На пловучих льдах

Если Нобиле, предпринимая в 1928 г. свой полет на северный полюс на усовершенствованном по последнему слову техники, управляемом дирижабле, искушенный опытом летчиков всего мира, ознакомленных детально с различными условиями воздухоплавания, — не учел возможности оледенения оболочки своего дирижабля, мог ли предвидеть то же самое Андрэ в 1897 г., пускаясь в рискованный путь на своем убогом „Орле“? Оледенение оболочки „Орла“ было последним звеном в целой цепи неудач, куда нужно прежде всего отнести весьма неудачный отлет. Захваченный циклоном, шар стремительно упал на воду, канаты, на которые Андрэ возлагал, быть может не без основания, столько надежд, остались в воде, паруса действовали плохо, а затем — туман, могильным саваном придавивший путников к земле. Последний, повидимому, и приходится признать главным виновником неудачи полета.

Воздушная стихия крайне недружелюбно встретила наших путников. Посмотрим, как отнеслись к ним льды. Путешествие Андрэ по пловучим льдам составит второй решающий этап их неудачного предприятия.

Опустившись на лед и испробовав его прочность, путники без лишних слов принялись за сооружение лагеря, распределив между собою работы. В ледяной части путешествия, еще в большей степени чем в воздушной, выделяется героическая фигура самого Андрэ, его железная выдержка и бесспорный авторитет среди своих товарищей. Лишь только он заметил спустя некоторое время, что между Френкелем и Стриндбергом возникает нечто вроде ссоры, он самым решительным образом вмешался в их инцидент, заявив, что не допустит расцвести в их среде злему семени. И никаких неладов с той поры, повидимому, между путниками не было.

Льды, на которых теперь очутились путешественники, представляли собою хаос торосистых нагромождений, среди которых ровных площадок было очень немного. Лед все время был в движении, а потому перебираться со льдины на льдину представляло немалую опасность.

Освоившись со своим новым положением и установив, что они находятся в 350 км на SO от Земли Франца-Иосифа, путники стали держать совет: избрать ли им определенный путь для движения по льду или отдаться на произвол его движению. Андре настаивал на первом, мотивируя это тем, что на Земле Франца-Иосифа, на мысе Флора, имеются значительные запасы продовольствия и помещение, сооруженное там Джексонем, где можно будет и перезимовать; помимо этого, группа островов Земли Франца-Иосифа интересовала его и в научно-исследовательском отношении. Те колоссальные трудности, которые станут им на пути и под конец лишат их возможности осуществить свой план, ни в малой степени, повидимому, не рисовались его смелому воображению.

Решено было двигаться к Земле Франца-Иосифа, — казалось бы совсем недалеко отсюда. В последний раз взлезает Френкель на оболочку баллона: не покажется ли сквозь дымку тумана вдали земля. Но ничего не видно, кроме какого-то дикого хаоса ледяных глыб, которые, громоздясь друг на друга, тянутся до самого горизонта.

Путники раскладывают все свое имущество на льду, осматривают, запаковывают его в тюки, снаряжают трое саней, сделанных из длинных бамбуковых палок, связанных ремешками, приводят в порядок лодку, запасаются на дорогу свежим мясом убитого Андре белого медведя, и наконец трогаются в путь. Каждый тянет свои санки, нагруженные равным количеством груза, приблизительно до 200 кг.

Но путь необычайно труден, а груз тяжел. Сани то насккивают на острый, скрытый под снегом угол тороса, то проваливаются в воду. Чем дальше, тем лед становится неровнее; покрытый буграми и гребнями, он достигает нескольких метров в высоту. Каждый шаг труднее и труднее. Нужны страшные усилия, чтобы перетаскивать сани через эти ледяные гребни. Дальше идти невозможно, люди выбиваются из сил, разбивают палатку, наскоро ужинают и тотчас засыпают.

На утро снова в путь, такой же тяжелый и безнадешный. Но сегодня отдельные льдины по временам разделены майнами. Приходится всю поклажу вместе с саними сгружать в лодку и переправляться на другую сто-

рону льдины в лодке. А там снова ледяные глыбы с торчащими в стороны, вмерзшими в них острыми осколками. Временами становилось настолько тяжело, что хотели бросить даже часть груза.

Путешествие подвигается крайне медленно. Путники не надеются теперь достичь мыса Флоры раньше осени, и то если положение их не изменится к худшему. Под вечер Стриндберг, неосторожно подойдя к майне, свалился в воду. Дневник лаконически свидетельствует, что была опасность для его жизни. Его вытащили, но как он сушился, — этого мы не знаем. К концу дня достигли большой прогалины, где и решили заночевать. Андрэ с Френкелем ушли на разведку. Ночью к их лагерю подошел медведь.

26 июля Стриндберг с грустью заметил, что экспедиция с 21-го прошла ничтожно малую часть пути, всего лишь несколько километров в направлении на OSO, а между тем значительно облегченные их сани свидетельствовали, что ими потрачено за эти дни не мало продовольствия и еще большее количество сил и энергии. Каждый свободно тянул теперь свой груз. Но путники постарались еще больше облегчить свои силы, сбросив часть поклажи и оставив продовольствия только на 45 дней.

Андрэ вез теперь вместо 211 кг — 130 кг, а Френкель со Стриндбергом — по 135 кг.

В этот день в дневнике отмечено, что Стриндберг убил первого своего медведя. Продовольствия больше чем достаточно. Набираясь сил к грядущим испытаниям, наши путники стараются теперь как можно больше есть. Под вечер их ждала еще большая радость — ветер отошел на Nord, их, стало быть, понесет теперь на юг и их план удастся.

В ночь на 27-ое море покрылось довольно толстым слоем вновь образовавшегося льда. Это очень затрудняло их переправу в лодке с льдины на льдину. Проламывая веслами лед, который днем обратился частью в сало, путники с большим усилием продвигались вперед. Однако налицо все признаки скорой зимы. Андрэ с товарищами начинают сильно мерзнуть, но бодрятся и сравнительно хорошо переносят мороз. У них повидимому еще и в мыслях нет, что такое полярный холод и что такое настоящая полярная одежда. Все их помыслы сосредоточены около Земли Франца-Иосифа, а для того чтобы поскорее быть там необходимо, чтобы ветер не менялся и гнал лед к югу. Дорога становится лучше.

Но 29-го снова тяжелая, мрачная картина. Снова глыбы льда, в беспорядке налезая друг на друга, охватывают все видимое глазами пространство. Высота голых бесснежных льдов достигает свыше 4 метров. Путники взлезают на ледяную пирамиду и пристально всматриваются в далекий горизонт на север, юг и восток. Но ни малейшего признака земли. Всюду лед, лед и лед, голый, без снега, блестящий на солнце.

Они теперь со все большей очевидностью убеждаются, что были и есть не больше как игрушки льдов. Двигаясь по льду, избрав определенное направление, они вначале не замечали, что лед также движется по направлению, которое предугадать нельзя, и лишь теперь по изменению расстояния между отдельными льдинами и по подсчету пройденного пути они удостоверяются, что выполнить определенный маршрут по льду — невозможно. Лед и течения непреодолимы, и особенно сильно движение льдов на восток в сторону Земли Франца-Иосифа. Наступает момент отказаться от принятого решения достичь во что бы то ни стало мыса Флора, где они нашли бы значительные запасы провианта. Но что же противопоставить этому плану? Ведь движение льдов может оказаться столь же интенсивным и в любом прочем направлении, и там течения и ледовые условия могут оказаться непреодолимыми. Но что-то нужно делать, не стоять же на месте, тем более что с начала августа потеплело и лед стал опасен, особенно молодой лед, сковывающий отдельные льдины. На беду пошел и дождь.

Их ледовое путешествие продолжается уже 13 дней. Они истратили уже лучшие свои силы. В значительной степени все они выдохлись, а результата пока еще никакого. И они решают изменить маршрут. Теперь они будут продвигаться к северным берегам Шпицбергена к Семи островам. По их расчетам, приблизительным и неуверенным, они рассчитывают быть там через 6-7 недель. Итак, снова борьба со льдами, снова тяжелый путь, а результат быть может тот же, что и путь к мысу Флора. С этими мыслями, далеко не веселыми, они утром 4 августа ложатся спать.

V

Путь к Семи островам

Если бы Андрэ со своими спутниками, отказавшись от всяких усилий достичь во что бы то ни стало земли, предоставил свою судьбу пловучим льдам, быть может все они были бы живы и до сего дня. Но всякая пассивность, всякая обреченность — не удел подобных натур. Преодоление препятствий, борьба до последнего издыхания, подвиг и жертва — вот тот единственно возможный психологический выход, который создается для Андрэ в том поистине безнадежном положении, в какое он попал со своими товарищами. А между тем, ледяная трагедия со дня на день принимает все более и более острые формы; разворачиваясь медленно и нудно, она одновременно делается все более напряженной. Силы уже надломлены предыдущим тринадцатидневным переходом по ледяным торосам, сорокадневный путь к Семи островам окончательно истощает их силы, оставляя их совсем мало к тому времени, когда они, предоставив себя наконец на произвол льдов, достигают цели своего путешествия — земли.

Итак, Андрэ со своими спутниками держат путь к Семи островам. Мы не будем здесь день за днем приводить записи из дневников наших путешественников, ибо цель книжки не протокольный отчет о всем содержимом расшифрованных дневников, найденных вместе с трупами их авторов, а воссоздание на основе фактического материала, отчасти с помощью догадок и логических выводов, наиболее полной и соответствующей действительности картины всех наиболее ярких моментов злополучной экспедиции с ее трагическим финалом.

Первые дни августа принесли теплую погоду. Лед с каждым днем становился все слабее, „как тающий сахар“, по образному выражению дневника. Дорога сделалась ужасной. Оттепель принесла общее нездоровье. Все простужены, но продвигаются весьма энергично, так — 10 ав-

густа провели на ногах 18 часов. Курс $81^{\circ} 56'$ с. ш. и 29° в. д. К концу дня дождь.

Вчера дождь, а сегодня два градуса мороза. Из-за ледяных препятствий курс непрерывно меняется. Они прошли уже 50 км, как полагали, на SW, но оказалось, что на SSO.

12 августа — 8° мороза при ветре семь метров в сек. Подсчитали запасы мяса, оказалось: хватит на 23 дня. Последние дни они много съели жира, повидимому от этого у Стриндберга и Френкеля сильный понос.

В следующие же дни условия передвижения по льду сильно изменились к худшему. Огромные нагромождения торосистого льда сильно затрудняют передвижение. Резко меняются и показания термометра, но оттепели уже нет.

17 августа. Небо ясно, но земли не видно попрежнему. На следующий день особенно тяжело. За весь день прошли только один километр. Лед сильно сжат со всех сторон. 19 августа прошли только 5 километров. Семь градусов мороза.

22-го Френкель, поскользнувшись, вывихнул ногу, тотчас же сам вправил ее, но боль в ноге все же сильная.

На следующий день все путники чувствуют сильнейшее утомление. Более 6-7 километров в день они идти отныне не в состоянии, хотя и съедают каждый ежедневно до 3 кг мяса. Настроение у всех плохое. У Френкеля острая боль в ноге, он ее усиленно массирует, но помогает плохо и идти ему чрезвычайно трудно, но идти надо. У Стриндберга жесточайший понос, как он думает, — от простуды желудка или от переутомления.

В довершение всех бед, 26-го больной Френкель проваливается в воду, а Андрэ также заболевает поносом. Но все же идут с прежней скоростью, т. е. по 6-7 км в сутки.

28-го к вечеру, при сильном NO_e и пяти градусах мороза, подошли к ледяному полю, сплошь забитому огромными торосами. Андрэ в затруднении. Он в сомнении, смогут ли они преодолеть этот ледяной хаос и разобраться в направлении. Во всяком случае Андрэ думает, что ледяное путешествие их будет длиться до самой поздней осени.

Перспектива не из веселых. Последние дни полярного лета кончаются. Дни становятся все короче, ночи длиннее, свет катастрофически станет убывать в самом непродолжительном времени. Но размышления сейчас не идут в голову, смертельно хочется спать, истощающе действует понос, который все продолжается, несмотря на усиленные приемы опиума. На плохом льду разбивают палатку и располагаются спать. Но только стали Андрэ с Френкелем задевать в мешок, как услышали пронзительный крик

Стриндберга: медведь! Выбежали с ружьями, убили медведя и крючьями приволокли к палатке.

31 август а. Конец полярному лету. Положение их $81^{\circ}16'$ с. ш. Наступает сентябрь. С первых же дней месяца становится несколько теплее и ветер меняется. Толщина льда над водой около полуметра, под водой же около 6 метров.

7 сентября с большим трудом за весь день прошли всего лишь 1 километр. Запасы мяса приходят к концу. У Френкеля с ногой все хуже и хуже. Андрэ ему массирует, но ощутительных результатов массаж не дает. Френкель больше не может тянуть свои сани. За него тянут его товарищи, также сильно ослабевшие из-за пережитого понсса, который теперь уже окончился. Таща двое саней, Андрэ проваливается в воду.

Но ничто путников, повидимому, так не удручает, как быстро приближающаяся зима. Смогут ли они, больные и истощенные, достичь Семи островов, не сулит ли им этот поход тот же результат, что и предприятие достичь мыса Флора на Земле Франца-Иосифа? С 4 августа по 9 сентября при неимоверно тяжелых условиях они прошли всего лишь 135 км, как они теперь убеждаются, на SSO вместо того, чтобы пройти столько же на SW. Со всей очевидностью они вторично убеждаются, что борьба с движущимся льдом безнадежна и ничего кроме болезней, истощения и разочарований принести им не сможет. Опять проклятая ледяная ловушка, из которой нет выхода. Андрэ не жалуется, свое настроение он переживает молча, ведет себя так, чтобы не смутить своих товарищей, пока им еще не принято окончательного решения, как быть дальше. Он держится бодро, даже шутит, делает научные наблюдения над продвижением льда, — но на душе у него иное, об этом красноречиво говорят его записи, а о его поведении — записи его товарищей.

Уже с 9 сентября пометки в книжке Андрэ заносятся ежедневно, без пропусков. Но Стриндберг уже не пишет, он сделался мрачен и молчалив, только в свой календарь от времени до времени он заносит свои астрономические наблюдения, из которых ясно его убеждение, что он делал ошибки в своих расчетах и точно не знает, где они находятся.

Как держит себя Френкель? Нет никаких данных судить, что переживал и думал он в эти дни. Известно лишь, что он ежедневно регулярно производил метеорологические наблюдения и заносил их в свой календарь.

Что же происходит дальше? У Френкеля боль в вывихнутой ноге настолько сильна, что он вовсе не может

везти своих саней и едва передвигает ноги. У Стриндберга также заболела нога, повидимому сильно натертая в предшествующие дни. Мясо почти на исходе. Но самое печальное — это сознание, что ветер неуклонно гонит лед в пространство между семью островами и Землей Фрэнца-Иосифа. Возможно ли при этом условии достичь острова? Так обстоит дело к 12-13 сентября, когда сильная буря, загнав их в эти дни в палатку, заставила их бездействовать. В эти печальные дни путники окончательно убеждаются в полном крахе своего второго плана достичь по льду земли. Всякий план в подобных условиях не только бесплоден, но вреден, — не лучше ли в их положении обречь себя всецело судьбе, какой бы она ни была, и предоставить себя ледовой стихии и ее законам. С такими мыслями три полярных мужа, истощенные и больные, в порванном платье, имея совершенно недостаточные запасы продовольствия, сидят в палатке, раскинутой на пловучей льдине, несущейся по неизвестному направлению под 81° с. ш., и под неистовый вой бури наступающей полярной зимы решают свою судьбу. Но и решать, собственно, нечего — против очевидности никто не возражает. Они должны остаться на льдине. Они теперь всецело в плену у льдов, в плену у ветра и течений и, если ослабеют их силы, — у диких зверей.

Но они все же надеются, что и им под конец улыбнется судьба.

Так заканчивается третий акт полярной трагедии экспедиции Андрэ. Никто не знает, куда вынесут их льды, но сейчас они несут их в открытое море.

VI

Во власти ледяной стихии

После того как путники решили зазимовать на льдине, они стали изучать ее и вскоре же убедились в ее ненадежности, вернее — непрочности. Льдина, на которой была раскинута их палатка, была очень тонкая и маленькая. Обломки тающего льда свидетельствовали, что льдина сплошь состоит из отдельных кусочков льда, которые весной несомненно рассыплются при первом же сильном ударе о встречную льдину. Рядом находилась более солидная и прочная льдина, вся из цельного куска, куда они и переправились, перетащив на нее весь свой скарб, и тотчас выбрали место, где они соорудят себе зимнее помещение. Из отдельных кусков льда они сооружают стены, промежутки забивают снегом и все это обливают водой. Но отделять свой дом они будут после, а сейчас надо позаботиться о провианте, которого становится все меньше и меньше.

15 сентября, в сильный северо-западный ветер, при 4° мороза, Андрэ отправился на охоту и застрелил тюленя. На три недели путешественники обеспечены теперь едой. Они настолько голодны, что с наслаждением съедят всего тюленя, даже его желудок, останутся только кости и шкура. „Все вкусно в жареном виде, в особенности жир“. Еще дюжина таких трофеев, и никаких забот, — они будут тогда обеспечены до весны. Эти бодрые и даже несколько легкомысленные замечания, свидетельствуют о несомненном улучшении расположения духа у наших путешественников. Они мечтают об охоте на белого медведя, но медведи словно исчезли с лица земли. Их радует ледяная ласточка, которая вот уже несколько дней прижилась к их лагерю и частенько сидит на крыше их домика. Сравнительный отдых, отсутствие тяжелых передвижений благотворительно отражаются на здоровье Френкеля, — нога его заживает, чего нельзя сказать о ноге Стриндберга, которая

продолжает болеть попрежнему. Настроение у всех довольно хорошее, но до шутливого настроения еще повидимому далеко. Андрэ возвращается к своим научным занятиям и пытается достать со дна планктон, но повидимому это ему не удастся — слишком большие здесь глубины. Он очень доволен своими спутниками, они держатся очень бодро, лучше даже, чем он ожидал.

Но мысли у всех, понятно, вокруг одного пункта: куда понесет их льдину? Если не обманывают вычисления Стриндберга, т. е. не заключают ошибок, их льдина отошла уже на 75 км на юго-восток от того местоположения, где находилась она 13—15 сентября; это значит, что льдина движется со скоростью 2 км в час. Эти показания Стриндберга радуют Андрэ. Быть может такая скорость и достаточна, чтобы до наступления зимы пристать к встречной земле. Быть может по мере движения к югу не будет так холодно, как здесь в этих широтах. Кто доживет, тот увидит, но теперь время пришло работать, — восклицает Андрэ.

15 сентября — большой день в жизни экспедиции. Пленники льдов как-будто заметили землю. Если это земля, а не мираж, то это несомненно остров Вито.

17 сентября перед обедом они совершенно явственно наблюдают остров, и Андрэ делает его зарисовку. Берег, окруженный глыбами льда и глетчерами, всего лишь в 10 км от них. Остров низмен и издали сливается с общей массой льда и снега.

Любопытно, что почти ровно через 11 месяцев после записи Андрэ, наблюдавшего остров, шведская экспедиция под руководством капитана Надгорста, проходя тем же путем, что плыл на льдине Андрэ, замечает и описывает этот остров почти в тех же выражениях, как делает это и Андрэ. Надгорст сообщает, что обнаружил остров случайно, издали думал, что это гряда глетчеров, но вскоре убедился, что перед ним земля. И Андрэ считал вначале землю за сплошную льдину и даже после того, как безусловно убедился, что перед ним земля, считал, что пристать к ней возможно лишь с востока или запада. Близкое присутствие земли отмечалось целым рядом признаков. Чаше встречали птиц. Невдалеке путники заметили наконец и долгожданного белого медведя. Одинокий бродяга повидимому с вождением смотрел на путников, как и они на него.

Прибытие льдины к острову доказывает, что путь ее от того пункта, где она находилась 12 сентября, был пройден ею с невероятной быстротой. За пять дней льдина про-

шла целый градус широты и сейчас двигалась с той же быстротой. Если так будет продолжаться и впредь, путешественники могут с полным основанием надеяться, что еще до начала зимы они найдут спасение на каком-нибудь острове на восток от Шпицбергена. Но с едой дело совсем плохо. Зверя нет, и, что совсем странно, нет здесь и моржей, — такое уже здесь бедное, гиблое море. А запасы надо сделать и сделать скорей. Зима не ждет.

18 сентября, в день национального праздника у них на родине в Швеции, праздник и у них. Лыдина движется попрежнему быстро, погода совсем хорошая и в довершение дневного благополучия Андрэ удаётся убить второго тюленя. „Череп тюленя был так тонок, как яичная скорлупа“, — замечается в дневнике. Они наедаются доотвала, с жадностью пьют кровь тюленя, с хорошим настроением влезают в свои мешки и заваливаются спать.

Весь остров Вито виден теперь на западе. Лыдина приблизилась к острову еще на 1—2 километра. Стриндберг измеряет высоту острова и определяет северный и южный его пункты. Направление ветра NNW.

Воскресенье 19 сентября опять удача. Убили еще двух тюленей. Еды хватит теперь до середины февраля. Особенно хвалят путники тюленью кровь; обильная углеводами, она заменяет им до известной степени отсутствующий хлеб; для этого они делают из крови блинчики. Но вслед за сбыльшим приемом в последние дни пищи наступает пресыщение. Свежее мясо и жир им уже противны. Желательно внести какое-нибудь изменение в меню. Убитые птицы дают им это разнообразие.

Остров Вито все еще впереди. Снежно-белый, откуда он и получил свое наименование, остров лишен всяких световых контрастов; лишь кое-где тени, образовавшиеся от ложбин и ущелий острова, свидетельствуют, что впереди действительно остров, а не колоссальных размеров ледяная глыба. Вокруг острова разбросаны отдельные куски ледяных масс. Андрэ достает фотографическую камеру и делает снимок с острова.

Полюбовавшись вдоволь островом, путники принимаются за работу. Прежний дом их не удовлетворяет, нужно соорудить что-нибудь более солидное и комфортабельное. Итак, приступают к постройке нового дома. Стриндберг неожиданно обнаруживает своеобразные строительные способности и опыт. Отдельные глыбы льда, которые будут служить стенами, он смазывает им самим изобретенной замазкой, для чего смешивает снег с сладкой всдой, — это дает стенам крепость и прочность. „Еще два дня —

и наша спальня готова". Стриндберг, главный инженер-строитель „ледяного дома", положил много труда и забот, чтобы придать их зимнему жилищу побольше комфорта. Он даже в своем дневнике оставил план своей архитектуры. Дом имел около 6 метров в длину и $3\frac{1}{2}$ в ширину. В выбоинах-нишах, вырубленных в стенах хижины, был устроен ряд шкапов, куда путники клали мелкие свои вещи, нужда в которых была наиболее частой. Посреди хижины стоял стол, а направо от него раскладывался спальный мешок, занимавший порядочный угол помещения. Дом имел также окна.

В течение дня ветер несколько раз менялся. Температура опустилась до 6 градусов мороза. Льдина, между тем, обогнула остров с северной его точки на запад.

20 сентября был прямо-таки несчастливый день. Началось с варки супа. На примусе приготавливался хороший суп, но вот машинка, засоренная ворванью, стала капризничать. Несмотря на все старания, привести ее в порядок не удалось, а обеда все ждали с самым горячим нетерпением. Попытка закончить варку супа на эскимосской лампе также не удалась. В результате нарезали себе кусков жира и съели его сырым, а суп доели какой был — еще теплый, при чем мясо тюленя почти полностью разошлось в супе при варке.

После обеда, не совсем удачного, все занялись исправлением примуса. Но вот посреди этого усердного занятия на соседней льдине показывается огромная фигура медведя. Этого медведя видели уже давно; постепенно approaching все ближе, он занял теперь позицию в 200—300 метрах. Животное повидимому сильно проголодалось, запах варева и голод привлекли его на эту близкую дистанцию и сделали его смелым. Наши путешественники схватили ружья и быстрыми шагами направились к лодке, чтобы переехать на соседнюю льдину. Но не тут то было. Проливчик, отделявший льдину одну от другой, за ночь замерз настолько, что грести было невозможно. Чтобы ехать, нужно было проделать предварительно во льду дорожку топором. Охотничья горячка захватила всех троих. Первым стрелял Андрэ, затем Стриндберг, и оба неудачно. Френкель подошел почти вплотную и попал, разъяренное животное хотело броситься на Френкеля, но он ловко отбежал, а медведь свалился в воду, где и издох. Предстояла трудная работа перетащить медведя на лед. После долгой работы медведя наконец вытащили. Это был красивый крупный экземпляр, мяса которого должно хватить им надолго. Но не только мясо, огромную ценность в их положении пред-

ставляла и шкура животного. Вытащив на лед труп животного, его осторожно, так, чтобы не испортить шерсти, под крики „ура“ волокут к своему пристанищу. Они тотчас потрошат северного исполина. Слетаются птицы — также лакомое блюдо для наших путешественников. Вскоре начинают готовить и ужин. Примус еще не исправлен окончательно, горит неравномерно, но все же удается наконец с большим трудом приготовить добрый ужин.

А пока они ужинают, их льдина проталкивается на юго-запад от острова Вито. Теперь остров уже севернее их льдины. Дело идет к вечеру. Путники озабочены, где им сохранить тушу медведя. Оставить ее лежать в стороне на льду — никак нельзя. Ночью мясо будет утащено другими медведями, его надо держать поэтому недалеко от себя, что и делают путники, волоча на крючьях медвежью тушу вплотную к своему домику.

На другой день постройка нового дома продолжается. Андрэ удачно охотится на птиц. Окончательно исправили примус. С огорчением путники замечают, что их льдине не суждено больше двигаться на юг, ветер с полудня меняется с сев.-восточного на юго-восточный. Опять густой туман, из-за которого Стриндберг лишен возможности определиться.

Охота идет удачно. Стриндберг убивает тюленя. В перспективе еще более удачной охоты, крайне необходимой им для заготовки запасов на зиму, путники решают быть экономными в расходовании зарядов.

Тревожный сигнал. Утром 25 сентября льдина, на которой они устроили себе жилище, трескается. Но льдина велика и постройка цела. Через некоторое время путники замечают, что их льдина как-будто не движется. Вероятно, наскочила на мель, — решают они. Но нет, дно далеко. А льдина, тем не менее, недвижна. Делясь различными предположениями, решают наконец, что попали в мертвую зону, т. е. в район, где течение отсутствует.

Мы еще ничего не сказали о том, как распределяли свой день наши путешественники на льдине. Определив рабочий день в 8 часов, они довольно точно придерживались следующего расписания. Утром — завтрак, $2\frac{1}{2}$ часа работы (постройка жилища, охота и разные мелкие дела по хозяйству), затем они вторично завтракали, на что уходило $\frac{3}{4}$ часа, потом $4\frac{3}{4}$ часа работали — по большей части то же, что и утром, плюс писанье дневников и записок, и наконец напоследок главная еда. К этому надо еще добавить, что все трое во все время своего путешествия в определенные часы производили метеорологические,

астрономические и прочие наблюдения, делали засъемки наиболее интересных моментов из своей жизни и проч. Остальное их время уходило на отдых и собеседования.

В конце сентября у них было много добычи, они едва успевали потрошить ее. Но они на всякий случай хотят еще больших запасов. Им необходимо также припасти побольше жира для горючего.

29 сентября их льдина все еще южнее острова Вито. Прогалины и проливчики между отдельными льдинами замерзли. Тюлени исчезли, но появились медведи. Они таскают у них продукты и причиняют им не мало беспокойств. Приходится постоянно быть настороже. А льдина их подозрительно становится все меньше и меньше. Но странно, что они на это не обращают никакого внимания. Наоборот, именно теперь только они располагаются как следует в своем новом доме. Становится все холоднее. 30 сентября 8° мороза, вообще говоря — очень немного для этого времени и в этих широтах.

Итак, наши путешественники в новом помещении, оборудованном со всем возможным „комфортом“, о котором мы уже сообщали выше. Тут и выемки ниши в ледяных стенах, где аккуратно расположены мелкие их вещи, и обеденный стол, и определенное место для сна, и окна. В этом домике, который они сооружали столько времени и с таким старанием, они надеялись благополучно провести зиму. Главное условие для этого, думали они, — побольше запасов продовольствия. Так они думали и так они надеялись. Но нигде надежды и планы не разбиваются так легко, как на севере.

День 2 октября ознаменовался крупным для них ударом. Ранним утром их льдина со страшным треском раскололась на тысячи кусков. Вода хлынула в их хижину, выгнав их оттуда. Они быстро выскочили. Глазам их представилась следующая картина. В воде колыхались, дробясь, скрипя и налезая друг на друга, многочисленные куски льда — остатки прежней льдины. Одна из трещин прошла как раз под их жилищем, одна из стен которого, вместо того чтобы упираться в фундамент льдины, висела на воздухе, готовясь каждую секунду обрушиться. Все их имущество и запасы мяса, собранные с такой заботливостью в одно место, были разбросаны по другим отколовшимся от главной льдины кускам ее.

„Это был крупный для нас удар“, — отмечается в дневнике. Но делать однако нечего, дорога каждая минута, тем более, что погода стала портиться. Они с большим трудом, с риском для жизни, перелезают на другие льдины,

снимают оттуда свой скарб, запасы продовольствия, и все это тем же порядком сносят на остаток главной льдины, величина которой теперь не больше 24 метров. Работа эта потребовала от них огромных, нечеловеческих усилий. Они страшно были утомлены к концу дня. Повидимому степень их утомления была столь велика, что граничила с состоянием полного безразличия. Будь что будет, — решили они и отправились спать в свою полуразрушенную хижину, заднюю стену которой все время царапала налезавшая на нее соседняя льдина.

Подготавливаясь к полету на полюс, Андрэ предвидел и подготовился ко многим печальным неожиданностям. Об этом свидетельствуют лодка, сани, ружья с большим запасом патронов, лыжи и пр. и пр., что удалось ему уместить в крошечной гондоле воздушного шара. Но, даже строя самые худшие предположения о судьбах экспедиции, Андрэ не думал, что путешествие через лед может оказаться столь трудным. Из его описаний явствует, что он ожидал встретить прогалины между отдельными льдинами, для чего предусмотрительно и обзавелся лодкой, но все же он ожидал, что путь через лед в общем окажется свободным и потребует лишь времени для преодоления отдельных препятствий. Но он совершенно не ожидал встретить здесь непреодолимые преграды в виде торосистых нагромождений из отдельных осколков смерзшихся глыб. Перед этим препятствием волей-неволей спасовала железная настойчивость Андрэ. Если мы сейчас, благодаря многочисленным предпринимавшимся с той поры экспедициям в Арктику, сравнительно хорошо ознакомлены с условиями передвижения в крайних ее широтах, то мог ли об этом знать Андрэ тридцать четыре года назад? Отправившись в свой полет и пролетев над ледяными полями северного моря, наблюдая эти льды сверху, Андрэ впал в невольную иллюзию; сверху лед производил прекрасное впечатление, казалось, что внизу гладкая ледяная поверхность, лишь кое-где прорезанная водяными прогалинами. „С высоты птичьего полета, — заключает Андрэ, — нельзя определить качество и состояние льдов“, — весьма ценное наблюдение, которое могло бы оказать огромную услугу многим воздухоплователям последующего времени, узнай они своевременно об этом наблюдении Андрэ.

Но возвратимся к судьбе наших героев. 77 дней прошло, как они вылетели со Шпицбергена. 72 дня они в плену у ледяной стихии. Борьба со льдом оказалась безрезультатной. Потеря лучших сил и утомление — вот финал этой борьбы. Сначала они боролись со льдом;

12 дней пробивались к Земле Франца-Иосифа; убедившись в бесплодности этой попытки, — сорок дней пробивались к Семи островам. Тот же результат. Среди воя бури в палатке, они решаются предоставить себя всецело на произвол льдов, — куда вынесет их нелегкая. Они все были бодры и надеялись на спасение. И нелегкая их вынесла. Пристанище, где они хотели провести зиму в осколках, — их ледяная хижина разрушена, а все имущество разбросано по движущимся льдам. Сами же они смертельно утомлены.

Собственно, на этом заканчивается вполне достоверная и связная история их путешествия на льдине, которой они доверили свою судьбу и на которой решили провести зиму. О дальнейшей их судьбе мы можем только гадать и строить более или менее достоверные предположения. Как они попали на остров Вито, где в августе 1930 г. были найдены их останки вместе с их лагерем, принесло ли их льдину вплотную к острову или они свершили самостоятельный переход на нее, — мы не знаем и никогда не будем знать этого. Книжка, которая несомненно поведала бы нам последнюю главу полярной трагедии Андрэ, уничтожена временем и сыростью. Она погибла вместе с трупом ее автора, Андрэ. Когда нашли его останки, из левого кармана его истлевшего платья торчала довольно объемистая книжка, куда он по всей вероятности заносил заметки до последнего дня своей жизни, — об этом свидетельствует близость самой книжки к ее автору. Но, к великому нашему сожалению, от всей книжки осталось только неполных $4\frac{1}{2}$ страницы, которые можно разобрать лишь частично. За 33 года лед и снег много раз оттаивали, подвергая книжку вредному влиянию сырости, воздуха и тепла; к тому же бумага соприкасалась с разлагающимся трупом ее автора. Эти неблагоприятные условия оставили нам в наследство от книжки только изъеденные сыростью по бокам жалкие кусочки, всего только $4\frac{1}{2}$ странички. Содержание этих клочков фраз свидетельствует, что начальные записи велись еще на льдине, и лишь надпись далее „на острове“, сделанная его рукой, указывает, что большинство записей было сделано в их новом пристанище, на острове Вито.

Среди отдельных обрывков частично уничтоженных сыростью фраз можно разобрать следующие слова: „перетаскивали имущество“; затем Андрэ упоминает: „произвели тяжелые работы“, „снежная хижина“, „начали набирать куски плавника для отопления“. Смысл этих отдельных замечаний понятен без комментариев. Путники решили зазимовать на острове и приступили к организации зимовки. Далее мы находим такие фразы: „Остров покрыт

льдинами“, „на берегу сани“, „6 октября снежная буря“.

Особый интерес представляют слова: „раздобыли из моря, выудили“, „гранит“, „почва“. Если мы, предваряя дальнейшее изложение, сообщили, что в числе предметов, найденных в лагере Андрэ на острове Вито, находилось не малое количество образцов геологических и минералогических пород острова, упакованных в отдельные пакетики, — все эти последние записи становятся совершенно понятными. Лишь только путники кое-как устроились на острове, Андрэ приступил к изучению острова и сбору коллекций. Вряд ли окончательно потерявший всякую надежду на спасение путник будет посвящать свое время научным занятиям? Нужно думать, что Андрэ отнюдь не считал своего положения безнадежным, он верил в спасение, он верил также и в силу духа своих спутников, которых после всех испытаний оценил еще больше. Еще после катастрофы, приключившейся с их домиком на льдине, он писал: „Ни один не потерял мужества. С такими товарищами можно продержаться, что бы ни случилось“.

Последняя запись Андрэ, как видно, была сделана в конце первой недели октября.

Итак, Андрэ умолк, все, что можно было извлечь из его дневников, мы извлекли. Но каковы последние слова его спутников? К сожалению, их немного. Френкель повидимому совершенно бросил писать уже давно. Не многоречив и Стриндберг. После катастрофы с льдиной он заносит: „напряженное состояние“, и затем совершенно загадочная запись: „17/X. Домой 7 ч. 5 м.“ Этой записью заканчивается все литературное наследие экспедиции Андрэ. С этого момента никаких указаний о дальнейшей судьбе экспедиции нет. На этом заканчивается и история трех полярных героев, останки которых с их дневниками лежали подо льдом треть столетия. Как долго они жили после 17 октября, мы не знаем и не узнаем никогда.

Что произошло между последней записью Андре от 6 октября и записью Стриндберга от 17 того же месяца? Что означает „домой 7 ч. 5 м.“? Пытались ли они в течение этих одиннадцати дней обосноваться на острове или стремились в открытое море? Определенного ответа на этот вопрос нет. Но, по всей вероятности, — можно даже быть почти уверенными в этом, — все трое после десятидневного отсутствия возвращались откуда-то домой в свою снежную хижину на острове Вито, где и решили зазимовать. Первым умер Стриндберг. Как долго он жил после возвращения домой, — никто на это никогда не ответит.

Оставшиеся в живых взяли его вещи на сохранение, а труп похоронили в скале, завалив камнями. Платье Стриндберга было аккуратно сложено и повязано ремнем. Мелкие вещи покойного взял на сохранение, повидимому для передачи родным, Андрэ. Среди этих вещей, между прочим, медальон с локоном волос невесты Стриндберга.

Как долго жили остальные, почему труп ни того, ни другого не находился в спальном мешке или хотя бы на шкуре медведя, почему одни из их саней стояли в полной боевой готовности с важнейшими предметами обихода и продовольствия, как бы готовые к путешествию?

С огромной долей вероятности, переходящей почти в полную уверенность, мы можем однако заключить, что наши многострадальные путешественники, крайне истомленные предыдущим тяжелым путешествием на льдине, лишенные по своей неопытности настоящей полярной одежды, не выдержали вскоре уже наступивших сильных морозов и замерзли. Предположение, что они умерли от голода, совершенно исключается. Об этом свидетельствуют солидные запасы оставшегося с ними продовольствия.

VII

Как был обнаружен лагерь Андрэ.

Поиски отважных аэронавтов начались вскоре же после их исчезновения. Помимо экспедиций, имевших специальным заданием отыскание следов Андрэ, всем прочим судам и экспедициям, отправлявшимся в Арктику, вменялось в обязанность не забывать и об Андрэ. И тем не менее, увы, несмотря на все, за 33 года старания не удалось отыскать ни малейших следов пребывания где-либо экспедиции Андрэ. А между тем остров Вито в течение многих лет неоднократно посещался. Так, всего лишь через год после исчезновения Андрэ, 19 августа 1898 г., три члена шведской арктической экспедиции пристали к юго-западной стороне острова Вито. В числе этих членов был проф. Андерсен — редактор изданного теперь Брокгаузом в честь Андрэ сборника, послужившего для нас главным материалом при написании настоящей книги. Мог ли думать тогда проф. Андерсен, что всего лишь в нескольких шагах от него лежат три обмерзших трупа экспедиции Андрэ?

Сообщить вкратце хотя бы о самых главных экспедициях, отправившихся на поиски Андрэ, в нашей небольшой книге, невозможно. Но об экспедиции американского журналиста Вальтера Вельмана, упорно надеявшегося в 1898 г. отыскать Андрэ живым и невредимым на Земле Франца-Иосифа, нам необходимо сказать несколько слов. Имя Вельмана тем более уместно упомянуть здесь, что он через несколько лет со Шпицбергена, с того самого пункта, откуда отправился в свой полет Андрэ, т. е. из гавани Вирго, хотел при более совершенных, но в принципе тех же, что и у Андрэ, средствах, повторить его попытку достичь на аэростате северного полюса.

Судно Вельмана „Фритьоф“ в июле 1898 г. отправилось к Земле Франца-Иосифа. Лето было в ледовом отношении крайне неблагоприятное. Льды сплошным кольцом скоплялись вокруг „Фритьофа“, угрожая его раздавить.

Наконец с огромными усилиями судно приблизилось к мысу Флора, где имелась постройка известного полярного путешественника Джексона со складами продовольствия. Расчет Вельмана, как мы теперь убеждаемся, был правилен. Вспомним, с какой настойчивостью Андрэ стремился именно к этим знаменитым запасам на мысе Флора; и только неблагоприятное движение льдов помешало ему достичь мыса. Здесь Вельман и ожидал найти приютившегося после гибели своего баллона, пропавшего без вести Андрэ. Приблизившись к мысу, „Фритьоф“ однако никак не мог подойти к берегу. Но убеждение Вельмана, что Андрэ должен непременно находиться здесь, было настолько сильно, что Вельман старался о себе дать знать — стреляя из ружья и из небольшой судовой пушки. Но все тщетно, никаких следов пребывания здесь на пустынном берегу человеческих существ, когда удалось наконец высалиться на берег, обнаружить Вельману не удалось. Могильная тишина и полное отсутствие жизни царили по всему берегу и около стоящей у высокой скалы джексоновской хижины. Андрэ здесь не было и следа. Обратно на материк Вельману в этом году добраться из-за льдов не удалось и он зимовал у мыса Тегетгоф.

Как бы замороженный личностью Андрэ, не переставая в течение многих лет настаивать на дальнейших поисках пропавшего аэронавта, Вельман после многолетних подготовительных работ решает повторить попытку Андрэ лететь на аэростате к северному полюсу и, если судьбе угодно, как говорил он, — разделить его печальную судьбу. План американского аэронавта в общем был сходен с планом Андрэ. Вельман вместе со своими пятью спутниками — инженерами и учеными и двумя норвежцами-рабочими — предполагал подняться с того же самого пункта, откуда летел и Андрэ. Но средства для достижения этой цели у Вельмана были более солидные, нежели у Андре. Вельман располагал не простым аэростатом, подобным воздушному шару Андрэ, а испытанным, управляемым воздушным аппаратом с двигателем в 80 лошадиных сил, способным развивать скорость в 380 оборотов в минуту, что давало ему возможность двигаться со скоростью до 30 км в час. Аэростат Вельмана, носивший название „Америка“, имея форму сигары, был длиною в 50 метров, имел 16 метров в диаметре и мог поднимать до 4 тонн груза в виде экипажа, различного снаряжения на случай снижения аэростата, запаса провизии на 2 месяца, лодки, саней и т. д.

Мы нарочно приводим все эти подробности, т. к. предприятие Вельмана, хотя и неосуществленное, представляет тем

не менее несомненный интерес, как дальнейший этап развития воздухоплавательной идеи Андрэ — достичь северного полюса с помощью воздушных средств. При помощи заимствованного у Андрэ каната-гайдропа, волочащегося по земле, снаряд Вельмана должен был держаться на высоте до 150 метров от поверхности воды.

На Шпицбергене был оборудован привезенный сюда в разобранном виде грандиозный металлический элинг для дирижабля Вельмана. Вся эта затея обошлась свыше 1 миллиона франков. Полет должен был состояться в августе 1907 г.

Полет был обставлен с большой помпой. Смелого аэронавта, пожелавшего повторить план Андрэ „и, если судьбе угодно, — разделить его печальную судьбу“, провожала многочисленная публика, прибывшая в гавань Вирго на двух пароходах. Здесь же находились корреспонденты крупнейших европейских и американских газет. Но, увы, полет не состоялся. В последнюю минуту, когда все уже было готово к отлету, Вельман, к сугубому огорчению и возмущению провожавших его, решил отложить полет до более благоприятного времени, но так и не полетел. Его элинг и до сей поры жив в исторической гавани Вирго; живо и деревянное строение для баллона Андрэ, и памятник, поставленный на груде камней в его честь.

Но вернемся к нашей ближайшей теме и, минуя прочие поисковые экспедиции за Андрэ, ознакомимся вкратце с историей обнаружения лагеря Андрэ и останков самих путешественников.

9 июля 1930 г. норвежский пароходик „Ханзет“ из Тромсе, в поисках остатков экспедиции Нобиле, за обнаружение каковых итальянским правительством обещана большая премия, зашел на остров Вито. Несмотря на теплую погоду, остров, похожий издали на белый щит с двумя лишь открытыми местами почвы с северо-востока и юго-запада, почти весь лежал еще под снегом. Но и здесь уже начинался бурный процесс таяния снега, обещавший в ближайшие дни обнажение значительной части побережья.

Пройдясь по берегу и не обнаружив здесь никаких следов пребывания членов экспедиции Нобиле, на что указывали бы прежде всего остатки потерпевшей крушение „Италии“, капитан „Ханзета“ поплыл на лодке обратно на пароход. И уже только отсюда заметил, что по другой стороне побережья острова находятся как-будто какие-то предметы снаряжения и остатки лагеря. „Но быть может это только мне показалось“, — решил капитан, и продолжал путь на пароход.

Плывя домой в Тромсе и встретив по дороге своего собрата из того же порта „Терпинген“, капитан „Ханзета“ в разговоре с капитаном „Терпингена“ сообщил, что следов Нобиле нигде не нашел, но, зайдя на Вито, видел как будто давние следы людей и остатки лагеря. Весть о следах людей на диком, никогда не обитаемом Вито распространилась в Тромсе с приходом сюда „Терпингена“. Но к вести этой все отнеслись почему-то с крайним недоверием. Однако не так отнесся к услышанному сообщению капитан маленького рыболовного судна „Братвааг“. Он быстро снарядил свое судно и без лишних слов отплыл на остров Вито, где и нашел в указанном месте на оттаявшей к этому времени почве лагерь Андрэ. „Братвааг“ по радио извещает на материк о сделанном открытии. Ему отдается распоряжение, не трогая останков и ничего из снаряжения, немедленно прибыть обратно для приема ученой комиссии из представителей Швеции и Норвегии для производства расследования на месте. В состав ее вошли профессора Гедренк и Линдберг, доктор Варфвинг и инженер Келер.

Прибыв в Тромсе, „Братвааг“ вторично отплывает с ученой комиссией на Вито, где 22 августа члены комиссии находят следующее: в 200 м от берега и в 10 м над уровнем моря лежит лодка с остатками медвежьего мяса внутри, а под ней сани. И то и другое глубоко вмерзло в каменистый грунт. С помощью ломов сани стдируют от земли вместе с примерзшими к ним камнями. В шести метрах от первых саней находят вторые сани, также вмерзшие в лед, достигающий под санями 30—40 см. На этих санях лежали привязанными следующие предметы: пара чулок, шведский флаг, запас патронов, записная книжка, вторая пара чулок, измерительный прибор в ящике и прочие предметы. Рядом с санями стояли ящики с продуктами; здесь же лежали канадские лыжи, остатки досок и кости кита. Поодаль была разбита свалившаяся палатка, стены которой были обложены материей — остатками оболочки баллона. В палатке лежало тело Френкеля, но так, что верхняя половина его, одетая, находилась в палатке, другая же половина, раздетая, — была снаружи. Здесь же на воздухе валялись две пары штанов. В палатке, позади тела Френкеля, лежал спальный мешок из оленьей шкуры, а повыше этого мешка был найден труп Андрэ. Оба они умерли в палатке и лежали приблизительно в расстоянии метра один от другого. В палатке были раскинуты разные вещи: здесь лежала опрокинутая корзинка, к которой был привязан кусок паруса, в корзине лежали чулки и рукавицы. Затем валялось разное тряпье, топорщице,

банка ланолина, удочки, одноствольное ружье. У самого трупа Андрэ стоял примус, содержащий еще много горючего. Примус испробовали, он оказался совершенно исправным. Около примуса лежала алюминиевая тарелка с остатками пищи, деревянный ящик с ключом, а в нем иголки, нитки, на 160 рублей русских денег, золотых и серебряных, и 80 долларов, аптечный ящик с большим запасом бинтов, бронзовый якорь и т. д.

В пяти метрах от палатки лежали дрова, собранные в штабеля, тут же в ящике лежали пробы всевозможных геологических и минералогических пород, о которых мы упоминали выше. Все естественно-исторические коллекции, о сборе которых упоминал в своих дневниках Андрэ с соответствующими пометками, были таким образом налицо.

Помимо всего перечисленного, члены комиссии обнаружили в лагере Андрэ: три пары очков, кошельки, различные измерительные инструменты, банки с превосходно сохранившимися консервами, пачки кофе, ружья, 135 патронов в раскупоренном ящике, три закупоренных ящичка с пулевыми и дробовыми патронами и более ста коробок спичек. Некоторые ящики с продовольствием носили явственные следы хозяйничавших здесь медведей. Нужно думать, что полсвина тела Френкеля также была обглодана ими.

Уже из приведенного перечня найденных в лагере предметов можно заключить, что члены экспедиции не испытывали нужды ни в продуктах, ни во многом другом. Здесь как-будто было все необходимое для жизни—и еда, и оружие, и спички, и примус.

Но у них не было ни теплого убежища, ни достаточно теплой для зимовки под 81° одежды. Выстроить деревянный домик они не могли,—не было материала; слепить же как следует снежную хижину не успели,—помешала смерть. Но утверждать, что у них не было снежной хижины, мы конечно также не можем. Что же касается теплой одежды, то члены комиссии были просто поражены, как рискнул Андрэ пуститься в столь рискованное путешествие с таким недостаточным, мало пригодным для полярных условий гардеробом. Все три трупа в общем были одеты одинаково; поразительно, что Стриндберга также хоронили в одежде, только сняли с него пальто. Труп Стриндберга был одет в егерскую шерстяную фуфайку, поверх фуфайки была надета шерстяная рубашка, затем кальсоны и теплые обмотки, затем штаны, жилет, пара тонких и пара толстых чулок и поверх длинные чулки и гамашы. Андрэ и половина туловища Френкеля были одеты точно так же, во все шерстяное.

С точки зрения опытных полярников, вся эта обильная по количеству надетых вещей одежда не выдерживала критики для зимовки в тех условиях, в которые попали члены экспедиции Андрэ. Исход их зимовки мог быть только таким, каков он и был.

Тело Стриндберга, как мы уже выше упоминали, было отнесено в узкое ущелье скалы и завалено камнями. Извлечь оттуда труп, стараясь не повредить его, доставило не мало труда команде „Братваага“. Все это ущелье вместе с накиданными туда камнями обратилось в сплошную ледяную глыбу. После долгой работы кирками и ломами, оледеневшие останки Стриндберга были наконец извлечены. Череп отделился от туловища. По испорченному зубу в челюсти брат Стриндберга уже в Стокгольме подтвердил, что останки действительно принадлежат его брату. На пальце у Стриндберга было обручальное кольцо, а на груди брелок — сочетание сердца, якоря и креста. Отметим, что когда один из матросов, раскапывавших могилу Стриндберга, почувствовав во время работы жажду, пошел попить из соседнего ручья, он нашел там пару сапог.

В кармане брюк Андрэ был найден кошелек, в котором находились серебряный брелок, и ображавший свинью, и раскрывающийся медальон-сердечко, взятый на сохранение после смерти Стриндберга; с одной стороны медальона под стеклом помещалась фотография его невесты, а с другой — локон ее волос. В кармане пальто Френкеля торчал календарь Стриндберга и вечное перо с оставшимися еще там чернилами.

Любопытно отметить, что вокруг лагеря найдено очень малое количество от росов, из чего явствует, что путешественники очень недолго жили на острове Вито.

Но из всего найденного в лагере наибольшее значение и ценность представляют, разумеется, дневники и записи как самого Андрэ, так и его спутников. Здесь наши следующие рукописные материалы, давшие возможность воссоздать полную картину злоключений экспедиции. Большой дневник Андрэ, содержащий на 118 страницах различные записи и заметки с 11 июля по 2 октября 1897 г.; из второй его книги, сильно поврежденной сыростью, удалось с помощью фото-химических способов разобрать лишь $4\frac{1}{2}$ страницы. Стриндберг оставил: памятный календарь, содержащий записи с 11 июля по 17 октября, две страницы наблюдений с 11 по 17 июля, 41 стр. разных коротких примечаний с 11 по 15 июля. Его настольная книжка, охватывающая период с 15 июля по 4 сентября, содержит 120 страниц; здесь по большей части астрономические

наблюдения, здесь же и подробное их меню (повидимому, Стриндберг заведывал хозяйством экспедиции); вторая его книжка содержит записи с 5 по 2 октября, и занимает 14 стр. Здесь собраны преимущественно записи астрономических наблюдений, здесь же имеются и несколько эскизов их ледяных маршрутов.

Литературное наследие Френкеля невелико. У него только один метеорологический дневник с отметками о состоянии погоды с 14 июля по 3 октября.

Все эти реликвии хранятся ныне в музее антрополого-географического общества в Стокгольме, которому комиссия и поручила обработать все найденные в лагере материалы. К работе и опознанию многих вещей были привлечены родственники погибших.

По мысли проф. Андерсена, ныне в Стокгольме на собранные добровольные пожертвования учрежден дом-убежище имени Андре для престарелых полярных деятелей.

VIII

Фотографический материал экспедиции Андрэ и его обработка

Совершенно исключительный интерес представляет фотографическое наследие, завещанное нам экспедицией. Перед нами проходят картины быта и жизни членов экспедиции Андрэ. В нескольких видах заснят их баллон тотчас после падения его на лед, переправа путешественников по льду, перетаскивание лодки через водяную прогалину, отдельные моменты охоты на медведя, вид лагеря на льду, внутренность раскинутой на льду палатки, общий вид ледяного поля, загроможденного торосами и т. д.

Андрэ запасся весьма солидным фотографическим материалом английской фирмы Кодак. По большей части это были пленки в катушках и лишь немного пластинок размером 13×18 . Срок удовлетворительного действия пленок был определен фирмой соответствующим обозначением на ярлыке коробки: февраль 1898 г.

Весь экспонированный материал был заключен в металлический ящик, частью наполненный водой, так что часть пленок была совершенно размягчена. Помимо этого, было найдено несколько коробок с незаснятыми пленками и пластинками, которые и сохранились, вследствие укупорки, значительно лучше, чем пластинки экспонированные.

Ответственной операцией обработки найденных негативов была поручена известному шведскому фото-химику и фотографу проф. Джону Герцбергу. Работа производилась в фотографических лабораториях Высшего технического училища в Стокгольме.

Работа требовала величайшей осторожности, искусства и остроумия. Выдающийся знаток своего дела, Герцберг однако счел не лишним воспользоваться советами известнейших европейских знатоков фотографии и рецептами различных фотографических фирм в отношении применения наилучших при данном состоянии пластин способов проявления и наложения ретуши.

Герцберг очень умно поступил, подробно изучив состояние эмульсии на не экспонированных найденных в лагере пластинках. Производя на них снимки, он, пробуя разные реактивы, добился наконец наилучшего способа проявления.

И только после этого, пользуясь более сильными дозами реактивов, потому что слой на запакованных пластинках, естественно, должен был быть менее испорчен временем, Герцберг приступил к проявлению экспонированных Андре пластинок.

С волнением наблюдал он за опущенной в кюветку пленкой. Долго, очень долго ничего не проявлялось. Но вот чрезвычайно медленно стали намечаться какие-то тени и намеки на линии. Дальнейшее пребывание пленки в реактиве ни к чему не вело. Герцберг вынул пленку из проявителя, промыл и опустил в фиксаж. Через несколько минут он различил чрезвычайно слабые очертания фигур людей.

Первая часть задачи была Герцбергом выполнена. Предстояла вторая задача — сделать из еле видимого, вялого и неясного изображения ясное и отчетливое во всех деталях. Нужно было усилить негатив до наивозможной степени интенсивности. Но если сразу положить негатив в крепкий раствор усилителя, усилитель „съест“ все детали и изображение получится больше похожее на силуэт, чем на фотографию. И вот Герцберг прибегает к следующему остроумному способу усиления. Прежде всего он снимает с негатива несколько диапозитивов и снова переводит их на негативы. У него теперь несколько копий, с которыми уже не страшно производить никаких рискованных манипуляций, боясь их испортить. Один дубликат он усиливает сильнее, другой послабее, сравнивает их, сопоставляет. С лучшими результатами негатив отбирается, но так как без конца усиливать один и тот же негатив нельзя, он опять его дублирует, затем усиливает вновь полученный дубликат и т. д., пока не получает наконец вполне удовлетворительных негативов, воспроизведенные и отретушированные копии с которых, помещенные во всех европейских журналах и в сборнике в память Андре, вызвали полное недоумение и даже подозрения редакторов изданий в фальсификации. Но теперь секрет снимков Андре ясен и не оставляет уже больше сомнения в их подлинности. Всего, таким образом, Герцберг обработал 192 негатива, из которых 50, по его словам, вышли особенно удачно.

Цена 30 коп.